

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

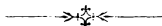
Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1909.

(съ приложеніемъ одной таблицы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1910.

356. Diwan d'as Samaou'al d'après la récénsion de Niftawaili, édité pour la première fois d'après un ancien Manuscrit avec des Variantes et des Notes par le P. L. Cheikho. Beyrouth 1909. 8° IV+34.

Несмотря на всю разработанность древне-арабской поэзии въ европейской научной литературѣ, время приноситъ все новыя и новыя матеріалы, позволяющіе надѣяться, что остатки книжныхъ сокровищъ востока не со-всѣмъ еще оскудѣли и, можетъ быть, подарятъ не одной пріятной неожиданностью. Къ числу новыхъ открытій, честь которыхъ принадлежитъ бейрутской школѣ арабистовъ, относится и диванъ Самау'аля, до послѣдняго времени считавшійся утраченнымъ, хотя о немъ и было извѣстно по указанію Хаджи-Халифы (изданіе Flügel'я—III, 285). Рукопись найдена въ Дамаскѣ о. Anastase Marie de St. Elie и редакторъ ал-Машрика L. Cheikho, несмотря на напряженную работу надъ печатаніемъ Хамасы Бухтурі, успѣшилъ издать новый диванъ сперва въ своемъ журналѣ (т. XII за 1909 г., стр. 161—178), а затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, дополнивъ его вариантами, примѣчаніями и французскимъ предисловіемъ.

Имя Самау'аля европейскимъ арабистамъ не безызвѣстно: въ научной литературѣ оно фигурировало не разъ. Еще въ 1864 году Nöldeke посвятилъ поэту отдѣлъ въ своихъ Beiträge zur Kenntniss der Poesie der alten Araber (стр. 57—64), основываясь главнымъ образомъ на неизданной еще тогда «Китабъ ал-Агāні»: въ дополнение къ этому Delitzsch обработалъ (Jüdisch-arabische Poesien aus vormuhammedanischer Zeit. Leipzig 1874) комментарий Хамасы къ наиболее популярному произведенію Самау'аля (въ изд. Freytag'a, I, 49—54). Послѣ этого до XX вѣка нашъ поэтъ въ специальныхъ статьяхъ не фигурировалъ и только въ 1905 году онъ снова привлекъ вниманіе ученыхъ, можетъ быть, сильнѣе прежняго. Въ Jewish Quarterly Review за апрѣль этого года Hirschfeld издалъ одну приписываемую ему пьесу, дошедшую въ еврейской транскрипціи. Текстъ подвергся сильнымъ искаженіямъ и коньектуры Margoliouth'a (JRAS, 1906, стр. 363—371), равно какъ дополненіе самого Hirschfeld'a (ibid. 701—704) далеко не могли разъяснить всѣхъ смутныхъ пунктовъ. И здѣсь помогли бейрутскіе арабисты: Cheikho перепечатавъ текстъ Hirschfeld'a (المشرق—IX, 1906, 482—483), а вскорѣ затѣмъ имъ были получены отъ читателей двѣ новыхъ копіи того же произведенія по мусульманской (ibid. 674—675) и багдадской рукописи (ib. X, 1907, 334—335), если еще больше усложнявшія вопросъ о подлинности, то давшія все же возможность установить текстъ болѣе или менѣе критически.

Это случайное прибавленіе матеріала припело мало новаго для вы-

ясненія какъ ви́шнихъ сторопъ жизни Самау'аля, такъ и его поэтического наслѣдія. Свѣдѣнія арабскихъ источниковъ въ свою очередь въ этомъ отношеніи довольно скудны. Самау'аль представляетъ одного изъ тѣхъ «анонимныхъ» героевъ арабской древности, съ именемъ которыхъ соединяется извѣстное качество: «быть вѣрнѣ Самау'аля» — *أوفى من السوءل* — по пословицѣ считалось недостижимымъ идеаломъ. Происхождение этой пословицы традиція ставила въ связь съ извѣстнымъ разказомъ о вѣрности Самау'аля данному слову, которая заставила его сохранить кольчуги, порученныя на сбереженіе царемъ-поэтомъ Имруулькайсомъ, хотя за это и пришлось лишиться родного сына. Кромѣ этого, наиболѣе отгѣннаго преданіемъ факта, о жизни Самау'аля мало извѣстно: по большинству данныхъ былъ онъ послѣдователемъ Моисея и происходилъ изъ Ятриба, жилъ въ своемъ замкѣ Аблакъ въ области Теймā' (между Сирійской пустыней и Вадд-л-Кура): сынъ его Шурайхъ спасъ жизнь поэту А'шā, за что и удостоился хвалобнаго стихотворенія со стороны послѣдняго. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ явствуетъ, что время его жизни относится, вѣроятно, ко второй половинѣ VI вѣка. Не менѣе скудны были извѣстныя до сихъ поръ остатки его поэтического наслѣдія. Наибольшей популярностью пользовалось его прекрасное, гордое стихотвореніе въ столь обычной арабской формѣ *مغآخرة*, приводимое въ Хамāсѣ (Freitag — I, 49); къ сожалѣнію и его коснулось тлетворное дыханіе губительнаго въ арабской поэзіи вопроса о подлинности, такъ какъ нѣкоторые литераторы сравнительно ранней эпохи уже приписывали его другому лицу. Въ пользу его подлинности говорить, однако, присутствіе произведенія въ новомъ дивāнѣ (стр. 8—9): въ крайнемъ случаѣ можно примириться на томъ компромиссѣ, который Nöldeke такъ остроумно предложилъ относительно аналогичнаго случая съ извѣстной касыдой Шанфары *أقيموا بنى أمى صدور مطيكم* (Beiträge, стр. 203—204): если она и подложна, то написана невѣдомымъ поэтомъ съ такимъ знаніемъ этого времени, этой среды и этихъ людей, что смѣло можетъ быть признана произведеніемъ, отлично передающимъ духъ данной эпохи и вполне для нея характернымъ. Второе стихотвореніе Самау'аля, сдѣлавшееся извѣстнымъ недавно благодаря изданію *الأصعبات* (Ahlwardt, № 20, стр. 20—21) — въ другомъ родѣ: своимъ вдумчивымъ характеромъ, флеромъ рефлексіи съ отгѣнкомъ пессимизма, намеками на библейскую исторію оно сразу даетъ узнать ту среду, откуда вышло, и очень напоминаетъ произведенія ханіфовъ этой эпохи, въ частности столь извѣстнаго Умейй-бн-абу-с-Сальта, личность котораго только теперь начинаетъ вырисовываться съ нѣкоторой ясностью, благодаря многочисленнымъ работамъ послѣднихъ лѣтъ (Schulthess, Power, Huart). Если къ

двумъ большимъ стихотвореніямъ прибавить два отрывка, повидимому изъ одной пьесы, въ Китāбъ ал-Агāнī съ намскомъ на поступокъ съ Имруулькайсомъ (Аг. VI, 88 и XIX, 99) и съ характеристикой прошлой жпзни въ хорошо извѣстномъ доисламскомъ стилѣ (ib. VI, 88 и XIX, 98), то этимъ будутъ исчерпаны всѣ доступныя въ настоящее время произведенія Самау'аля, не считая, конечно, отдѣльныхъ стиховъ, цитруемыхъ иногда въ словаряхъ и антологіяхъ. Такимъ образомъ, дивāнъ впервые даетъ сводъ стараго матеріала и, прибавляя къ нему нѣкоторое количество новаго, позволяетъ нѣсколько отбѣнить одну изъ характерныхъ фигуръ столь густо населеннаго древне-арабскаго Парнасса.

По объему своему новый дивāнъ очень невеликъ: онъ содержитъ всего 9 отрывковъ въ 87 стихахъ; три не вошедшихъ въ него произведенія, помѣщенныхъ Cheikho въ примѣчаніяхъ, и пьеса, открытая Hirschfeld'омъ, прибавляютъ еще сорокъ стиховъ. Это, однако, не заставляетъ считать дивāнъ неполнымъ: въ древне-арабской поэзіи на ряду съ плодovitыми поэтами были и **المغنون**. У нѣсколько болѣе поздняго поэта Абӯ-Михджана, напримѣръ, дивāнъ (изд. Abel и Landberg) по объему лишь нѣсколькими стихами превосходитъ Самау'аля.

Для внѣшнихъ обстоятельствъ жизни поэта, а тѣмъ болѣе для политической исторіи эпохи дивāнъ даетъ очень мало; интереснѣе онъ для характеристики личнаго творчества. Есть, конечно, упоминаніе о случаѣ съ Имруулькайсомъ (№ VI, ст. 12—13: «Я честно сберегъ кольчуги киндита; я оказался вѣрнымъ, хотя меня и брали за это люди. Мнѣ говорили: «Это вѣдь завидное сокровище!» Но нѣтъ, клянусь Аллахомъ, я не окажусь измѣнникомъ, пока меня посяятъ ноги!»), нѣсколько разъ вспоминается родовой замокъ Аблакъ (№ III, ст. 1; VI, 3—4) и построившій его 'Адїя, (III, 5; IV, 1; VI, 3—5). Одинъ стихъ (VI, 5) заставляетъ видѣть въ 'Адїя, согласно съ Агāнī—XIX, 100, дѣда, а не отца Самау'аля: «И завѣщаль мнѣ 'Адїя — мой дѣдъ: не губи, Самау'аль, того, что я основалъ» (ср. див. 4). Можетъ быть на личныхъ впечатлѣніяхъ основано очень живое описаніе движенія войска въ VII, 3—8. Упоминаніе Кайса, ст. 9, не даетъ ближайшихъ данныхъ для опредѣленія событія. Мало освѣщая внѣшніе факты, дивāнъ не помогаетъ выясненію вопроса о религіи Самау'аля, хотя Cheikho не безъ обычной тенденціи бейрутской школы отрицаетъ традиціонное показаніе о принадлежности его къ іудейству и хочетъ найти данныя о христіанствѣ поэта (см. див. стр. III—IV и 4—5). Строго говоря, этотъ вопросъ вообще представляется нѣсколько «академическимъ», т. е. не имѣющимъ непосредственнаго научнаго значенія; несомнѣнно, что вопросъ о «христіанскомъ вліяніи» на древне-арабскую поэзію

очень важенъ какъ для исторіи самой поэзіи, такъ и для исторіи христіанства, а отвѣтъ на него обыкновенно можно найти въ соответствующихъ произведеніяхъ того или иного лица. Однако, отъ этого вопроса приходится отдѣлять другой—о конфессіональной принадлежности даннаго автора къ христіанству, который, конечно, не рѣшается утвердительнымъ отвѣтомъ на первый, т. е. признаніемъ палящности христіанскаго вліянія. Для рѣшенія его матеріалъ обыкновенно слишкомъ недостаточенъ и отвѣтъ еще болѣе усложняется тѣмъ, что христіанства въ чистомъ видѣ здѣсь не существовало: были распространены всякія секты христіанско-іудейскія, христіанско-гностическія, не говоря ужъ о различныхъ потомкахъ еретиковъ первыхъ вѣковъ. Въ данномъ случаѣ доводы Cheikho еще болѣе поддѣкаются вопросомъ о подлинности, безъ рѣшенія котораго не можетъ быть рѣчи о признаніи выводовъ, дѣлаемыхъ изъ данныхъ мѣстъ. Главнымъ его основаниемъ служатъ два стиха: одинъ—заключительный въ пьесѣ, открытой Hirschfeld'омъ («Въ концѣ времяъ пришелъ нашъ Мессія, онъ принесъ людямъ совершенный миръ») и другой въ II (стихъ 15), гдѣ на ряду съ упоминаніемъ про Соломона говорится объ апостолѣ Іоаннѣ, Матѳіи и Іосифѣ, рѣчь о которыхъ, конечно, была бы странной въ устахъ еврея. Если и отрицать возможность пониманія перваго стиха въ будущемъ времени или съ отгѣнкомъ пожеланія, которыя вполне допускаются контекстомъ, то не слѣдуетъ забывать, что вопросъ о подлинности пьесы, высказанный уже Margoliouth'омъ, послѣ изданія дивана еще болѣе затемнился: во 1-хъ, въ диванѣ ея нѣтъ, во 2-хъ, странно, что переписчикъ багдадской рукописи упорно настаиваетъ на принадлежности касыды *другому* Самау'алу (см. المشرق т. X, 334: هذه القصيدة للسومل من بنى قريظة لا للسومل (من بنى غسان), въ 3-хъ, наконецъ, характерно, что именно послѣдній стихъ, на которомъ Cheikho строитъ свой выводъ, приводится только въ мосульской рукописи, не находясь ни въ лондонской, ни въ багдадской (см. див. стр. 32, прим. 7). Со вторымъ стихомъ, служащимъ доводомъ Cheikho, дѣло обстоитъ не лучше: сама его конструкція очень подозрительна и запутана, такъ что здѣсь вѣрно имѣется искаженіе текста; кромѣ того, этотъ стихъ опять таки приводится одной рукописью дивана (стр. 26) и не фигурируетъ ни въ редакціи *الاصمعیات*, ни у 'Айшій, ни въ другихъ источникахъ, гдѣ цитуются стихи этой пьесы. Не даетъ права заключать о христіанствѣ Самау'ала и общее содержаніе его произведеній: библейскіе намеки (напр. II, 14—18), выраженія, иногда идущія, повидимому, изъ общаго съ Кораномъ источника (II, 1, 7 и прим.), указываютъ лишь на ту единую среду, откуда черпали свое содержаніе и представители еврейско-арабской поэзіи, какъ Самау'аль, и христіане, какъ 'Адй-ибн-Зейдъ, и хашфы въ лицѣ

Умейи-ибн-абу-с-Сальта, и основатель псама. Несомнѣнная наличность христіанскаго вліянія не позволяетъ, конечно, считать Умейю христіаниномъ или Коранъ произведешіемъ христіанской литературы. И относительно Самау'али пока самый правильный путь — подчиненіе арабской литературной традиціи, коль скоро нѣтъ возможности опровергнуть ее сколько-нибудь положительными данными.

Тому, кто нѣсколько знакомъ съ содержаніемъ древне-арабской поэзіи, произведенія Самау'али едва ли прибавятъ что-нибудь новое къ ея характеристикѣ. Зная его традиціонный литературный образъ, одну часть произведеній не трудно предугадать: это характерная древне-арабская *مناخرة* — похвальба, еще болѣе усиленная случаемъ съ Имруулькайсомъ. Особенно рельефнымъ примѣромъ является I — одна изъ самыхъ живыхъ и энергичныхъ пьесъ дивана. Идеалы и личные, и племенные здѣсь все знакомые: достоинство человѣка должно обуславливаться его собственными качествами, а не многочисленностью племени; наше племя видитъ позоръ въ мирной смерти и всѣ у насъ умираютъ на полѣ битвы, а убитые не остаются неотмщенными. Извѣстія о нашихъ подвигахъ идутъ изъ древности, мечи наши иззубрены ударами о кольчуги. «Мы можемъ гордо не обращать вниманія на слова людей, но наши рѣчи, разъ онѣ сказаны, не остаются безъ вниманія. Когда у насъ уйдетъ своимъ путемъ предводитель, на его мѣсто становится другой, твердо поддерживающій своими словами рѣчь благородныхъ и приводящій ее въ исполненіе. Нашъ огонь не тушитъ передъ почтымъ путникомъ, о насъ не отзывался дурно никто, разъ остановившійся». Тому же идеалу старо-арабской «муруввы» посвященъ и № VII. Послѣ традиціоннаго, хотя всего въ двухъ стихахъ начала съ откочевкой племени и обычнымъ литературнымъ типомъ «порипцательницы», здѣсь *مناخرة* идетъ уже къ предкамъ и къ родовому замку, а затѣмъ къ своимъ личнымъ подвигамъ. «Много домовъ я построилъ себѣ безъ глины и безъ дерева: большой славы я добился. Шелъ я во главѣ не одного войска — могучаго, во мракѣ ночи двигавшагося въ страну чужого царя... Защищалъ я собѣда въ минуту невзгоды, и опъ оказывался въ безопасности: никто на него не покушался, разъ я былъ защитникомъ. Защищалъ я народъ отъ многихъ такихъ бѣдъ, когда всѣмъ приходится стоять съ зондамп (мѣря раны)». Война Самау'алио была очень знакома и № VII даетъ очень недурное описаніе войска (ст. 3—8): «Есть у насъ черная, сплоченная (туча), которая угоняетъ врага ядомъ и огнемъ. Она шевелится и долина точно давится ею. — отъ ея коней, пѣхотинцевъ, отъ ея мѣрнаго строя. По краямъ у нея сплошь всадники-герои, могучіе, какъ львы, воинственные и яростные. Въ рукѣ у каждаго мечъ съ отточеннымъ лезвіемъ:

когда онъ устремится въ бѣдѣ на врага, этотъ мечъ не отскочить. Каждый герой приготовилъ для войны и широкій продолговатый панцирь, (блестящій) какъ поверхность пруда, и кожаный щитъ, и смуглое отточенное прямое (копье) и бѣлые (мечи), сияющіе такъ, что ихъ можно принять за звѣзды».

Такимъ образомъ, гордость своимъ племенемъ, войны съ врагами, защита сосѣдей и почныхъ путниковъ, гостепріимство и помощь сиротамъ (№ VIII)—вотъ извѣстный и почти исчерпывающій идеалъ древне-арабскаго міра, который въ полной неприкосновенности фигурируетъ и у Самау'аля. Вкратцѣ онъ его формулируетъ въ невошедшемъ въ диванъ отрывкѣ (стр. 29), представляя себѣ слова плакальщицъ послѣ его смерти съ перечисленіемъ его доблестей. Конечно, не оставались забытыми и составлявшія поэзію древне-арабской жизни въ мирное время *الالیمان*—обѣ утѣхи—женщины и вино: «Не въ одну палатку суровой красавицы я просовывалъ свою голову и, бывало, сжималъ ея разукрашенное татуировкой запястье», вспоминаетъ Самау'аль (VI, 15); иногда онъ, впрочемъ, и отказывался отъ достигнутаго успѣха (стр. 27, стихъ 3 съ конца). По отношенію къ своимъ пріятелямъ онъ не былъ скупъ: «Не одинъ бурдюкъ я волочилъ къ сабутыльникамъ, не одинъ бурдюкъ я вышилъ самъ. не однимъ угостилъ и своихъ сотоварищей» (*ibid.*). Но теперь вся эта жизнь въ прошломъ: «Не удовлетворено еще стремленіе къ утѣхамъ любви, а между тѣмъ опередила тебя молодость, умчавшись впередъ. Въ сердце, бывшее здоровымъ, вернулась его старая болѣзнь, но встрѣтила вѣсто любви одно утомленіе» (VII, 1—2). Жизнь обманула во всемъ: «Я съ радостью надѣлъ новое одѣяніе времени, я шелъ за братьями веселья, но это меня и состарило. Я подчинился утѣшенію относительно видѣнныхъ мной, но ушедшихъ; однако я оказался обманутымъ во всемъ, что было въ моихъ рукахъ, и теперь я печаленъ» (IV, 2—3). Въ этихъ стихахъ можно видѣть извѣстные зачатки пессимизма, который, какъ было попутно замѣчено выше, даетъ себя знать въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Самау'аля. Это обстоятельство лишній разъ подтверждаетъ высказанную года три тому-назадъ мысль о наличности въ древней поэзіи рефлексивнаго направленія и его возможныхъ причинахъ (ЗВО т. XVIII, 107, сл.). Знакомство Самау'аля съ откровенной религіей отчасти отвѣчаетъ и на послѣдній вопросъ, хотя исходной точкой его пессимизма, какъ четырьмя вѣками позже у Мутанаббін (*ЗВО. т. XIX, 17 сл.*), является не столько это обстоятельство, сколько обычная мысль о смерти и уничтоженіи. Въ данномъ направленіи особенно характерны пьесы II, III, IV, V, которыя можно назвать своего рода «предсмертными мелодіями», на что намекаетъ даже стихъ одной изъ нихъ:

«Осталось во мнѣ лишь послѣднее дыханье, я умираю...» (IV, 1). Если мысль о смерти звучит и въ упомянутомъ выше отрывкѣ (див. стр. 29), то тамъ это ведетъ къ другимъ результатамъ: скажутъ обо мнѣ доброе слово, признаютъ достойнымъ продолжателемъ арабскихъ традицій—значитъ и хорошо: жизнь прожита не даромъ. Въ этихъ же пьесахъ о людскомъ судѣ уже рѣчи нѣтъ и достаточнымъ успокоеніемъ онъ не является. Какъ отзвукъ религіи проходитъ мысль о верховномъ судѣ и неизвѣстности его результата (II, 7—8), но тутъ же она отходитъ на задній планъ при сомнѣніи въ томъ, есть ли сама будущая жизнь: «О если бы у меня было доказательство того, что послѣ смерти, когда сгніють мои кости, я буду воскрешенъ; если бы мнѣ знать, какую пользу принесетъ моя смерть!» (II, 9; V, 5). Страшитъ здѣсь даже не разставаніе съ жизнью, хотя и приходится сожалѣть о невозможности пріютить гостя, для угощенія котораго раньше имѣлся и котель, и бурдюкъ (III, 3—4); страшитъ самый фактъ безслѣднаго упычтоженія, когда «домъ въ Аблакѣ» приходится переимѣнять на «домъ въ голой стени шириной въ два локтя» (*ibid.* 1—2). Внутреннего смысла этого Самау'аль постигнуть не можетъ, и самымъ сильнымъ выраженіемъ, пожалуй, не только его мысли, но и всего примитивнаго пессимизма этой эпохи являются два горькихъ восклицанія: «Я былъ мертвымъ вѣчность, потомъ сталъ жить и самая жизнь моя—залогъ того, что я умру. Я былъ созданъ мертвымъ, не бывъ раньше ничѣмъ, что могло бы умереть; я умеръ въ тотъ самый моментъ, какъ сталъ жить» (II, 3; V, 4). Извѣстной глубины здѣсь даже во внѣшнемъ выраженіи мыслей трудно не признать.

Послѣ этого общаго очерка легко видѣть, что диванъ Самау'ала, несмотря на незначительный объемъ, по своему содержанію представляетъ довольно характерный памятникъ древне-арабской поэзіи, хорошо рисующій всю ея сущность. Съ одной стороны здѣсь затронуты всѣ внѣшніе факты жизни арабовъ этого времени, съ другой стороны нѣсколько обрисовывается и ихъ внутреннее міросозерцаніе, быть можетъ, у Самау'ала выработанное немного глубже, чѣмъ у среднихъ представителей его эпохи. Съ внѣшней стороны эта поэзія тоже ничѣмъ не отличается отъ извѣстныхъ вообще образцовъ: нѣсколько разъ (II, IV, VI, VII) фигурируетъ обязательная по требованію арабскихъ литераторовъ внутренняя рима въ первомъ стихѣ, имѣются традиціонныя начала со слѣдами ставки (V), откочевой племена (VI) и воспоминаніемъ объ ушедшей молодости (VII). Попадаютъ хорошо знакомые типы «порядательницъ» (I, 3; VI, 2; стр. 27) и плакальницъ (стр. 29). Въ заслугу автору можно поставить, что языкъ его обыкновенно простъ и не вызываетъ особыхъ затрудненій; нѣкоторое

исключение, пожалуй, представляет № VII, 3—8, гдѣ самый сюжетъ (описание войска) заставилъ прибѣгнуть къ менѣе извѣстнымъ словамъ; попытку игры словъ, основанной на вѣшнемъ созвучіи, можно видѣть въ № V, 1. Съ лингвистической точки зрѣнія диванъ почти ничего не даетъ: характерна только диалектическая замѣна *ث* черезъ *ت* въ нѣкоторыхъ словахъ (*مبعوث* = *مبعوث*—II, 9, *الخبيث* = *الخبيث*—*ibid.* 12, ср. *الخبيث* = *الخبيث* въ *الاصبعيات* Ahlwardt'a № XX, стихъ 16). Можетъ быть въ этомъ вмѣстѣ съ филологомъ Язиді (див. стр. 12, прим. 3) приходится видѣть слѣды еврейскаго происхожденія автора. Чисто графическое значеніе (какъ и въ Коранѣ) имѣетъ форма *لَاعْلَمَنَّ* = *لَاعْلَمَنَّ* (V, 5).

Дошелъ до насъ диванъ въ редакціи и съ комментариемъ Нифтавейли (ум. 935 г.)—одного изъ тѣхъ филологовъ, которые даже своимъ «истино-грамматическимъ» именемъ обязаны влиянію Сибавейли. (Это подмѣчено Ибн-Халликāномъ, изд. Slane, стр. 15 и Суюті у Хаджи Халіфы, изд. Flügel'я, VII, 837). Ученикъ, съ одной стороны, куфійца Са'лаба, съ другой басріецъ Мубаррада (Фийристъ, изд. Flügel'я, 81) самъ онъ принадлежалъ, естественно, къ эклектической школѣ и оставилъ послѣ себя довольно много сочиненій грамматическаго и эдебнаго характера; Ибн-Халликāнъ пугуетъ даже нѣкоторые его стихи. По своимъ богословско-юридическимъ воззрѣніямъ принадлежалъ онъ къ *зāһи*-ритами. Работы его, повидимому, большой популярностью не пользовались и уже у Хаджи-Халіфы упоминаются только двѣ изъ нихъ: *та'рйхъ* (II, 155) и грамматическая *касида* (IV, 547). Поэтому, вѣроятно, онъ не попалъ къ Brockelmann'у, и настоящее произведение, насколько намъ извѣстно, является первымъ его трудомъ, появляющимся въ печати. Комментарій носить, конечно, обычный характеръ произведеній такого рода въ арабской литературѣ и чего-нибудь оригинальнаго не представляетъ. Послѣ короткаго историческаго вступленія (стр. 6—8), передающаго только рассказы про Самау'аля и Имруулькайса, про сына перваго Шурайха и поэта А'шā, Нифтавейли переходитъ къ обычному грамматическому анализу отдѣльныхъ произведеній. Въ качествѣ источника очень часто привлекается Коранъ, сравнительно рѣдко хадісы (12, прим. 6 съ иснадомъ, 16, 2 безъ него). Поэты фигурируютъ въ примѣрахъ обычные, преимущественно умейядской эпохи: Джерпъръ (9, 8; 13, 5; 14, 5; 18, 2, 4), Аусъ-ибн-Хаджаръ (10, 6; 17, 3; 18, 1), Ахталъ (10, 7; 17, 3), Зӯ-р-Румма (10, 7; 13, 1), Зуһейръ (9, 7), Неджатй (10, 7), Хутей'а (10, 7), А'шā (15, 5), Абӯ-Зу'айбъ (14, 2), Ферзакъ (16, 4); изъ менѣе извѣстныхъ встрѣчающіеся въ Хамāсѣ Кайсъ (9, 5) и Ба'йсъ (14, 1). Филологическими авторитетами для Нифтавейли, кромѣ его учителя Са'лаба (11, 1; 12, 5; 17, 4), особенно

часто является кучище же Ферра (7, 2; 9, 8; 10, 5; 11, 2; 14, 5; 16, 2, 3, 6); фигурируют и обычные в грамматических трактатах имена Абӯ-'Убейды (11, 1), Абӯ-'Амра (7, 3), Асма'и (18, 5), Яздй (12, 3). Чего-нибудь особо выдающегося в комментаріи вряд ли можно найти; интересно отметить развѣ одну персидскую цитату (стр. 13, пр. 5), своимъ появленіемъ лишній разъ бросающую свѣтъ на исторію развитія арабской филологіи.

Само изданіе Cheikho, хотя и исполненное по одной рукописи, можетъ быть названо критическимъ. За состояніе текста ручается имя извѣстнаго лексикографа ас-Сагані (ум. 1262), которымъ рукопись была сличена съ оригиналомъ и съ «иджазой» котораго она дошла до насъ (див. стр. 20). Не довольствуясь такими благопріятными условіями, Cheikho, конечно, привлекъ доступный матеріалъ для критики текста, благодаря чему варианты и примѣчанія (стр. 21—33) занимаютъ почти половину изданія; незначительный объемъ дивана избавляя отъ нужды въ указателѣ. Кое-гдѣ, конечно, вкрались незначительныя опечатки и типографскіе недосмотры, объясняющіеся нѣкоторой спѣшностью работы. На стр. I и 3, напримѣръ, въ цитатѣ изъ Хаджи-Халифы надо читать 285 вмѣсто 282, на стр. IV въ цит. изъ *المشرق* чит. 334 вм. 674. Изданіе *الأصعیات* Ahlward't'a дважды почему-то приписано Geyer'у (стр. III и 33). На стр. 5 въ послѣднемъ стихѣ А'ша надо читать *لا يتأين* безъ *و*, нарушающаго размѣръ. (Поправка была отмѣчена уже въ изд. Якута—т. V, 9, откуда пьеса перепечатана). Въ сочетаніи *لو* часто отпадаетъ первая буква (стр. 10, стихъ 7; стр. 30, стихъ 2). Имя поэта Аус-ибн-Хаджаръ Cheikho почему то систематически огласовываетъ ибн-Худжръ (стр. 10, прим. 6; 17, прим. 3; 18, пр. 1). Стр. 13, прим. 5 въ концѣ, текстъ сильно испорченъ: вмѣсто *عن ویروی* *العزا* надо читать вѣроятно *ویروی عنه الخ*; стр. 14, строка 6 чит. *العزا* вм. *العرا* (ср. коммент.); стр. 14, прим. 4 чит. *فاییت* вм. *فاسیت*; стр. 17, прим. 3 въ стихѣ Ахталя вм. *فأساره* чит. *فأشعره*: это даютъ и петербургская и багдадская рукописи (изд. Salhani, 228, 2 и 138, 12); не имѣющій смысла вариантъ объясняется графически. Стр. 27, стихъ 4 снизу чит. *مُنْتَه* вм. совершенно непонятнаго *مُنْتَه* (этого требуетъ и стоящее дальше *انتَهیت*). Стр. 28—*lapsus calami*: стихи написаны размѣромъ *الكامل*, а не *الطویل*; стр. 29, 5 чит. *لا تَبْع* вм. *لا تَبْع* (традиціонная формула обращенія къ умершимъ, ср. Rhodokanakis, Hansä' und ihre Trauerlieder, стр. 60 сл.) и т. д.

Не трудно видѣть, что всѣ эти мелкія поправки не вліяютъ на оцѣнку изданія въ цѣломъ, за достоинства котораго довольно говорить многолѣтняя

опытность Cheikho, давшего европейскимъ арабистамъ уже столько критически обработанныхъ памятниковъ арабской литературы. Новый диванъ до-исламскаго поэта не такое незначительное явленіе, чтобы пройти незамѣченнымъ для всѣхъ интересующихся этой областью. Несомнѣнно, что всѣ арабисты лишній разъ выразятъ свою благодарность бейрутской школѣ, которая не только дѣлаетъ счастливыя находки, но и передаетъ ихъ въ пользу ученыхъ въ научно-обработанномъ видѣ.

И. Крачковскій.

г. Бейрутъ (Сирія).
Іюнь 1909 г.